

Клюкина Анна Иосифовна, директор Государственного Дарвиновского музея.

Я работаю в Дарвиновском музее с 86 года и мое общение с Алексеем Владимировичем начиналось именно вот с этого с 86 года. Конечно, будучи студенткой, я ходила на его публичные выступления, а личное общение началось, когда я начала работать здесь. Естественно, я хорошо знаю архивы в Дарвиновском музее и знаю, что Алексей Владимирович с Дарвиновским музеем связан с детства, потому что он ходил в кружок к легендарному Петру Петровичу Смолину.

У нас в архиве сохранился его ученический доклад, который он делал в этом кружке, сохранились фотографии мальчика Яблокова, когда он ездил на выезды... Надо сказать, что память о Петре Петровиче он тоже сохранил на долгие годы, уже став всемирно известным ученым. Когда мы проводили какие-то юбилейные мероприятия, посвященные Петру Петровичу Смолину, когда уже его не стало, Яблоков всегда присутствовал, всегда приходил, выступал.

86 год для музея был очень тяжелый, вообще история дарвинского музея сложная, она вообще сложная, потому что музей, который собирал коллекции, которые были основаны прекрасными учеными Александром Федоровичем Котсом и Надеждой Николаевной Ладыгиной, не имел собственного здания. Он был организован на бывших женских курсах. И именно туда в это здание высших женских курсов, сейчас это уже педагогический университет, а до этого - педагогический институт имени Ленина, туда ходил Яблоков мальчиком, потому что в том помещении было выделено место, и там музей был. Всю жизнь Котс и Ладыгина, эта пара боролась за здание, и поэтому я всегда говорю, что история Дарвиновского музея очень тесно связана с историей государства российского. Потому что первое прошение о строительстве здания для музея Котс писал Ленину в 26 году, потом Сталину, потом Хрущеву. Я уже писала Брежневу, Горбачеву, далее по списку.

86-ой год был тяжелым. В старом здании музей был закрыт для посещения, потому что обвалились потолки, потому что трубы были настолько ржавые, что нельзя было подавать горячую воду под давлением, и поэтому зимой у нас температура повышалась не более чем до 10 градусов. Мы сидели как во время войны в пальто и естественно продолжали дело Котса - продолжали бороться за строительство здания.

У нас в архивах храниться несколько томов писем, которые писали ученые. Практически все биологи ученые рано или поздно обращались к властям разного ранга: постройте, наконец, здание Дарвиновского музея.

Алексей Владимирович был уже членом ученого совета музея и подписывал такие же письма.

Что касается меня, для меня - самый такой, понимаете, яркий пример его человечности, его гражданственности, его доверия, его боли за Дарвиновский музей. Был момент, когда вот это еще не достроенное здание хотели продать на торгах. Это был бы конец музею, он бы уже никогда не возродился. Я примчалась к Алексею Владимировичу, он был тогда советником президента, то есть должность достаточно высокая, и говорю: «Все пропало, нас не строят и вообще не достроят никогда». И он говорит: «У меня 3 минуты всего, мне некогда письмо писать», достает свой бланк, где сверху написано «Советник Яблоков», в самом конце ставит подпись и дает мне этот чистый бланк с подписью.

Он, конечно, понимал, что я не напишу какую-нибудь лажу. Тогда компьютера в музее не было, была пишущая машинка. И вот я несколько раз писала на машинке, смотрела строчки на свет, знаете, когда подкладываешь, чтобы совпало, потом дрожащей рукой, чтобы не дай бог не сделать ошибку на этом бланке, написала. Понимаете, когда коллективные письма, когда все люди читают и подписывают - это одна история, но когда человек дает тебе чистый бланк со своей подписью ...

Я не знаю другого случая, когда кто-нибудь дал свою подпись с чистым листом бумаги и сказал: «Вот напиши все, что считаешь нужным». Для меня это было очень важно. Ну и всегда он, естественно, помогал, когда вот это здание открылось. Это был 95 год.

Он, естественно, был на открытии, выступал, стоял рядом с мэром Лужковым, сказал совершенно замечательные слова о значимости вообще теории эволюции. Ведь самое интересное, что до сих пор к нам приходят и говорят: «А дарвинизм уже отменили». Я говорю: «Еще нет, еще не отменили». И Яблоков как раз на открытии сказал, я хорошо помню эти слова, он сказал, что теория эволюции - это одно из величайших вообще открытий среди научного мира, потому что если бы не было этой теории эволюции, которая была прописана Дарвиным, все бы шло иначе.

Потом появилась эволюционная молекулярная генетика и т.д. Но вот этот первый посыл, вот эта первая теория, которая показала, как это вообще все происходило, какой механизм был. Алексей Владимирович это сказал. И, естественно, он сказал, что это очень важно, что наконец-то открылось здание Дарвиновского музея, где можно популяризировать теорию эволюции. Чем мы и занимаемся, потому что мы единственный музей в России, где все экспозиции построены только по теории эволюции. у нас ни про что другого нет,

То есть мы рассказываем, как мы примерно держались книги происхождения видов Дарвина, вот начиналась книга с многообразия жизни на земле. Экспозиция же начинается с многообразия жизни на земле. Конечно, мы вставили генетику, которую Дарвин не знал, конечно. Мы вставили взаимодействие человека и природы - это уже, скорее, экологическая ниша. Мы на наши новые экспозиции приглашали Алексея Владимировича, он давал свои какие-то советы, в общем, поддерживал.. И очень радовался, что важно, очень радовался тому, что Дарвиновский музей стал популярным, и что сюда ходит много народу, всегда говорил, ну, он на «ты» обращался ко мне: «Какой ты молодец, смотри как у нас все хорошо».

Дело в том, и он об этом говорил, это вообще беда, биологию практически из школьных программ выбросили как ненужный предмет. А это на самом деле очень плохо. Потому что если ты не знаешь вообще, как развивается мир, в котором ты живешь, ну элементарные какие-то вещи, кем ты ни был, ты должен понимать что происходит вокруг тебя, Что если ты около ручья, который пробился через землю чистый, помыл свою машину, то не только

ручей погиб, но погибло, все, что в этом ручье.

Яблоков, конечно, очень переживал, что биология сокращена. Теория эволюции, боюсь соврать, сколько в школьной программе там - 2 часа или 3 часа, - но и отсюда появляется это мракобесие. Какая то школьница вдруг говорит: «Я не буду учить дарвинизм». Почти обезьяний процесс у нас имел место быть. И я удивилась, меня пригласили на телевидение и там уважаемый человек говорит: «Мы же не знаем, как на самом деле произошел человек». Ну и не знайте, вообще-то все знают, копают кости, находят, их не могли разбросать пришельцы. Может быть, жизнь каким-то образом связана с иными планетами, естественно, мы не единственные в космосе, но как сам процесс эволюции шел на нашей земле мы более-менее представляем. Конечно, все уточняется, но это уже детали.

Но в наш музей ходят, мы рассказываем, что человек произошел от обезьяны. Всех напрягает, что человек произошел от обезьяны. Я говорю: «Считайте, что от рыбы, потому что сначала появились на земле рыбы - первые позвоночные», Один мой хороший друг считал также, мы с юмором к этому относимся, что от лягушек. Ну да, после рыбы появились лягушки, земноводные, ну и тд.